

5. Лихачев, Д.С. Город на земле. Образ города // Лихачев Д.С. Раздумья / Д.С. Лихачев. – М.: Детская литература, 1991. – С. 140–167.

6. Люсый, А.П. Крымский текст и семантические войны / А.П. Люсый // Русская идея: сайт политической консервативной мысли. – Режим доступа: <http://politconservatism.ru/experiences/krymskiy-tekst-i-semanticheskie-voyny/> (23.08.2015).

7. Люсый, А.П. Самосемиозис: культурологические измерения / А.П. Люсый // Человек. Культура. Образование: научно-образовательный и методический журнал. – 2013. – № 1. – С. 26–34.

8. Щукин, В. Г. Как и почему рождается литературный локальный текст / В. Г. Щукин // Парк Белинского: общественно-политический, историко-публицистический, историко-художественный журнал. – 2012. – № 1. – С. 30–46.

Суколен А. Г.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Беларусь

Типы соответствий зооморфизмов в русском и китайском языках

В статье исследуются зооморфизмы русского и китайского языка в рамках лингвострановедения в аспекте национально-культурной коннотации. На этой основе рассматриваются типы соответствий зооморфизмов в русском и китайском языке.

Ключевые слова: зооним, зооморфизм, лексическая коннотация

В каждом из существующих языков зоонимы представляют собой весьма специфический пласт лексики, так как эта группа слов ярче чем любая другая отражает особенности осмысления внеязыковой реальности. Такая отличительная черта зоонимов является следствием того, что слова, называющие животных, представляют один из самых древних пластов лексики во всех языках мира. Характеризуя окружающую действительность и пытаясь осмыслить своё место в ней, древний человек прибегал к сравнениям с животными, вплоть до признания родства с ними. Некоторые племена славян считали своим прародителем волка, другие – медведя и т.д. Китайцы же считали своим первопредком дракона.

Несомненно, повадки и тип поведения диких животных зависят от их генетических особенностей, и поэтому описать их можно более или менее объективно. Но, несмотря на то что одни и те же черты животно-

го могут являться привлекательными для одного носителя языка и отталкивающими для другого носителя этого же языка, с течением времени выкристаллизовалась единая оценка этих черт и характеристик. Таким образом, при восприятии окружающей действительности представители животного мира выступают, чаще всего, как эталонные носители тех или иных черт и характеристик человека. В.Н. Телия считает, что "представление о стандартах, или эталонах, и есть та антропометрическая позиция, которая служит тем фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир" [7, с. 39]. В.Н. Телия иллюстрирует своё высказывание следующим примером: "Достаточно назвать человека *змеёй*, чтобы в европейском ареале он воспринимался как хитрый обольститель (что восходит к библейской символике) или как человек злой, коварный и т.п." [7, с.39]. Рассматривая зоонимы с точки зрения интерпретации концептуальной метафоры, Су Хайянь отмечает, что ""животные" и "человек" – два отдельных понятия, имеющие различия и сходства. Различия между животными и людьми являются в рамках этих двух понятий обязательным условием для метафоризации. Сходства между животными и людьми являются связующим звеном между рамками этих двух понятий. Посредством отображения сходств, можно сопоставить характеристики животного с организмом человека, что позволяет людям улучшить осознание и восприятие человека как такового" [10, с. 90].

Стремясь охарактеризовать свое поведение, внешность, внутренние свойства, человек прибегал к сравнению с тем, с чем он сталкивался в повседневной жизни, за чем наблюдал и что было ему ближе и понятнее всего – животным миром. Например, зооним *петух* в значении 'самец курицы' в своей структуре содержит потенциальную сему 'задиристый', поэтому зооморфизм *петух*, реализуя сему 'задиристый' в позиции семантического ядра, означает 'задиристого человека'; зооним *мака* (= обезьяна) в своей структуре содержит потенциальные семы 'ловкий и хитрый', поэтому зооморфизм *мака*, реализуя указанные семы в позиции семантического ядра, означает 'ловкого, хитрого человека'.

А.В. Медведева описывает процесс такого переноса следующим образом: "Аналогия и ассоциация лежат в основе процесса переструктурирования, благодаря которому происходит переключение с одного признака на другой по сходству и подобию, причём сознание выбирает те признаки, которые важны для него в конкретной ситуации" [4, с. 20]. Важно отметить, что такой перенос эталонной характеристики животного на человека всегда обладает ярко выраженным коннотативным потенциалом и используется в характеризующей и экспрессивно-оценочной функции. В этом основное отличие зооморфизма от зоони-

ма, основная функция которого номинативная. М.А. Гаврилюк, рассматривая зооморфизмы в качестве аксиологической характеристики человека, пишет: "смысловой акцент в значении зооморфизма падает не столько на человека как такового, сколько на его качественную и признаковую сущность, индуцирующую отношение к нему, мнение о нём" [3, с. 137].

В повседневной жизни зооморфизмы, являясь разновидностью экспрессивной лексики, могут характеризовать человека с абсолютно разных сторон:

1) внешний вид: *свинья* – ‘о грязном человеке’, *корова* – ‘о толстой, неуклюжей и неповоротливой женщине’; *кобыла* – ‘о грубой, рослой женщине’; *жаба* – ‘о некрасивой женщине’;

2) умственные способности: *баран*, *осёл* – ‘о глупом человеке’; *жираф* – ‘о человеке, который медленно соображает, до которого все доходит медленно’;

3) характер поступков, поведение: *баран* – ‘о человеке, слепо следующем за кем-нибудь’; *овца* – ‘о робком, чересчур покорном человеке’; *свинья* – ‘о неблагодарном человеке’; *обезьяна* – ‘о человеке, склонном к подражанию другим’;

4) черты характера: *лиса* – ‘о хитром человеке’; *змея* – ‘о коварной человеке’; *пчела* – ‘о трудолюбивом человеке’;

5) социальные взаимоотношения: *рогоносец* – ‘о мужчине, жена которого ему изменила’; *заяц* – ‘о безбилетном пассажире’; *бiryок* – ‘о нелюбимом человеке’;

6) профессиональные характеристики, занятия: *зубр* – ‘об опытном и ценном специалисте’; *волк* – ‘о преступнике, руководящем карманными ворами’; *ночная бабочка* – ‘о женщине, занимающейся проституцией’; *крот* – ‘о шпионе, предателе внутри какой-нибудь организации’ и др.

Важно отметить, что эталонами для тех или иных характеристик человека в разных языках могут являться как одни и те же, так и разные животные. Обращаясь к национально-культурной коннотативной лексике в русском и китайском языках, китайский лингвист Ван Хуа подчёркивает, что "эмоциональные и эстетические ассоциации, сопровождающие слово в рамках языковой культуры, могут существовать в различных этноязыковых системах. Их сходства и различия приобретают большое значение в процессе коммуникации" [2, с. 11]. Таким образом, зооморфизмы необходимо рассматривать не только с точки зрения прагматики, отражающей определённое отношение носителей какого-либо языка, но и с точки зрения дополнительных семантических и сти-

листических элементов, отображающих культурные традиции общества.

Несомненно, лексические коннотации русского языка отличаются от китайских культурными компонентами. Исследуя лексические единицы в рамках лингвострановедения в аспекте их национально-культурной коннотации, У Гоуа выделяет пять пластов коннотативной лексики: эквивалентная коннотативная лексика, соответственная лексика с коннотативными значениями только в одной культуре, соответственная лексика с частично разными коннотативными значениями, соответственная лексика с различными, зачастую обратными коннотативными значениями, безэквивалентная коннотативная лексика [8]. Используя данную классификацию, приведём примеры лексем из числа зооморфизмов, которые представляют каждую подгруппу.

Пласт эквивалентной коннотативной лексики представлен зооморфизмами, реализующими абсолютно идентичные оценки в русском и китайском языках. В некоторых случаях носители разных культур выбирают одинаковых животных в качестве эталонов тех или иных характеристик человека. Например, *улитка* и 蜗牛 (= улитка) – ‘о том, кто передвигается очень медленно’; *сова* и 夜猫子 (= сова) – ‘о человеке, поздно ложащемся спать’; *попугай* и 鸚鵡 (= попугай) – ‘о человеке, не имеющем собственного мнения и повторяющем чужие слова’, мысли; *хамелеон* и 变色龙 (= хамелеон) – ‘о человеке, легко и часто меняющем своё мнение, взгляды, симпатии, убеждения’ и т.д. Данные примеры иллюстрируют сходство русской и китайской зоометафорики, что является следствием общности человеческого сознания и сходности мышления.

Пласт соответственной лексики с коннотативными значениями только в одной культуре представляют зоонимы, являющиеся зооморфизмами только в одной из народных культур, в другой же – употребляемые только в прямом значении. Например, русские употребляют в речи лексему *зубр* в значении ‘опытный и ценный специалист’, а лексему *тетеря* в значении ‘нескладный, медлительный, непонятливый человек’. *Зубр*, как самое тяжёлое и крупное наземное млекопитающее на европейском континенте, и *тетерев*, охота на которого издревле почиталась на Руси, являются неотъемлемой частью картины мира славян. В китайском языке зоонимы *зубр* и *тетерев* не имеют культурных коннотаций, возможно, потому что ареал распространения данных животных не охватывает территорию Китая, а сами они малоизвестны носителям языка. Наверняка по этой же причине в русском языке не имеют коннотаций, заряженные яркими ассоциациями и оценочным значением в

китайском языке, зоонимы *шелкопряд* и *богомол*. Культ шелка в Древнем Китае имел невероятные масштабы. Даже, несмотря на развитие торговли, китайцы в течение многих веков строго хранили секрет производства шелка – любая попытка вывезти бабочек, гусениц или яйца за границу каралась смертной казнью. Как известно, любая бабочка в своём развитии должна пройти три стадии: гусеница, куколка и бабочка. Но один из этапов процесса производства шелка заключается в том, что после окукливания коконы шелкопряда держат несколько часов при высокой температуре, что убивает куколку, но упрощает раскручивание кокона. Шелкопряд вследствие данной особенности производства ценной ткани стал эталоном беззаветности и жертвенности, поэтому зооморфизм 蚕 (= шелкопряд) в китайском языке означает ‘самоотверженного человека’.

Богомол известен русским как большое прямокрылое насекомое теплых стран. В Китае зооморфизмом 螳螂 (= богомол) называют ‘слабого, тщедушного человека, переоценивающего свои силы’. Гиперсемой лексического значения зоомонима 螳螂 (= богомол) является сема ‘насекомое’. Объединяя одних из самых мелких представителей фауны, она несёт в себе потенциальные семы ‘слабый’, ‘тщедушный’, которые занимают позицию семантического ядра зооморфизма 螳螂 (= богомол). Такой признак как достаточно крупные размеры для биологического класса насекомых (самки достигают 7 сантиметров) остался невостребованными для формирования каких-либо иных коннотаций.

Ярким примером соответственной лексики с частично разными коннотативными значениями служит зооморфизм *лиса*. В обеих культурах поведение животного избрано в качестве эталона такой особенности характера человека как хитрость, поэтому зооморфизм *лиса* (= 狐狸) и в русском, и в китайском языках означает хитрого, лъстивого и коварного человека. Кроме того, в китайском языке зооморфизм 狐狸 (= лиса) означает обольстительницу, искусительницу. Это значение закрепилось в сознании китайцев, так как в восточной мифологии существует представление о лисе 狐狸精 (= Хули-цзин), которая могла оборачиваться красивой, но демонической женщиной, чья главная цель – совершенствование своих волшебных способностей и, в конечном итоге, бессмертие, посредством истощения энергии соблазненного ею мужчины. И.А. Алимов в монографии "Бесы, лисы, духи в текстах Сунского Китая" цитирует рассказ из сборника "Сюань чжун цзи" 玄中記 "Записки из мрака": "Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя ... может знать о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теря-

ет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой 天狐" [1, с. 49]. Носители русской культуры не ассоциируют женщину-обольстительницу с лисой. Также в китайском языке зооним 狐 (= лиса) реализует оценочные семы в составе лексемы 狐男 (= лиса-мужчина) в значении 'метросексуал, модник'. Мужчину, который слишком тщательно следит за собой, сравнивают с лисой, вероятно, потому что лисы действительно красивы: пышный хвост, рыжая шуба, изящество и стройность. Для носителей русской культуры метафорическое обозначение метросексуала через аналогию с лисой неактуально.

Примером соответственной лексики с различными коннотативными значениями является зооморфизм *кот* (=猫). Сравним: *кот* – 'о похотливом, сластолюбивом мужчине' и 人猫 (= человек-кот) – 'о мягком внешне, но коварном человеке'. В обеих культурных традициях оценочное значение зооморфизма отрицательное, но поведение кота ассоциируется с различными негативными качествами, присущими человеку. Если для русских из-за своих привычек кот стал символом лени и похотливости, то китайцы расставляют смысловые акценты в значении зооморфизма на несоответствие привлекательной и безобидной внешности животного с его непокорным характером. Кроме того выражением 醉猫儿 (= пьяный кот) китайцы в шутку называют людей, которые ведут себя необычно и странно в пьяном состоянии.

Примером обратных коннотативных значений соответственной лексики русского и китайского языков может служить зооморфизм *слон* (= 象). Коннотативное значение данного зооморфизма строится на основе таких гипосем зоонима *слон* как 'большой' и 'крупный', но при этом соответствующий зооморфизм развивает противоположную оценочность в указанных языках. Сравним: *слон* – 'о большом, громоздком, неуклюжем человеке' и 象 (= слон) – 'мощный, сильный; величественный, внушительный; доблестный, мужественный'. Ассоциируя крупные размеры животного с неповоротливостью и неуклюжестью, носители русской культуры, оценивают зооморфизм *слон* отрицательно. Носители китайской культуры дают ему положительную оценку, ассоциируя крупные габариты слона с представлениями о чем-то грандиозном и возвышенном. Кроме того образ слона неразрывно связан с одной из трёх основных религий Китая – буддизмом. Белый слон был предвестником рождения Будды, возможно, поэтому в переводе на китайский язык имя одного из бесчисленных существ, достигших просветления – 象王 (= слон-государь), а Великих святых буддизма образно называют 龙象 (= дракон-слон).

Пласт безэквивалентной лексики представляют слова, обозначающие реалии, присутствующие в одной культуре и отсутствующие в другой. Такие лексемы обладают яркой национальной спецификой и поэтому относятся к группе коннотативно-безэквивалентной лексики. Названия реально существующих животных как биологических единиц переведены на разные языки мира, и, таким образом, представляют собой соответствующую лексику, обозначающую реалии так или иначе известные каждому. Поэтому необходимо обратиться к зоонимам, называющим несуществующих животных, но, несомненно обладающим ярко выраженным национальным колоритом, и не имеющим аналогов в других культурах. Например, одним из самых значимых и важных существ китайской мифологии является 麒麟 (= цилинь). Решетнёва У.Н. описывает это животное следующим образом: "с туловищем оленя, ногами коня, коровьими копытами и хвостом, головой барана, увенчанной парой оленьих рогов или одним острым, наподобие носорожьего рогом" [6]. В русском языке нет эквивалентной лексемы, означающей описанное животное. Зооморфизм 麒麟 (= цилинь) употребляется в значении 'выдающийся, гениальный человек'.

Также в сопоставительном аспекте важен тот факт, что "в китайском языке в большинстве случаев не существует различий по роду существительных-зоонимов, а в русском языке, наоборот, родовые отличия весьма существенны для коннотативных значений, которые могут приобретать слова" [5, с. 238]. Например, зоонимом 孔雀 могут называть как павлина, так и паву, а зооморфизм 孔雀 (= павлин) означает 'чванливого, высокомерного, заносчивого человека'. В русском языке родовые отличия влияют на оценочность данных зооморфизмов: *павлин* – 'воображала, гордец, задавака', *пав* – 'женщина с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой'. Большинство зооморфизмов, согласно словарям, могут быть сопоставлены с людьми как мужского, так и женского пола: *лошадь, свинья, собака, крыса, обезьяна, попугай, слон* и др. Изучив гендерную специфику зооморфизмов в русском языке, А. А. Шарова сделала следующий вывод: "Не пол животного, а качества, ассоциируемые с ним, являются решающим фактором того, к какому лицу будет отнесён тот или иной зооним" [9, с. 302].

Таким образом, зоонимическая лексика обладает ярким коннотативным потенциалом, что делает её уникальным источником познания русских и китайских национально-культурных особенностей осмысления внеязыковой действительности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алимов, И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / И.А. Алимов; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – 284 с.
2. Ван Хуа. Изучение национально-культурной коннотативной лексики в русском и китайском языках / Хуа Ван // Вестник томского государственного университета. – 2012. – № 356. – С. 11 – 14.
3. Гаврилюк, М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека / М. А. Гаврилюк // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. - № 10 (138). – С.136 – 140.
4. Медведева, А. В. Многозначность слова и её лингвокультурологический аспект / А. В. Медведева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – №2. – С. 20 – 24.
5. Палатовская, Е. В. Оценочный компонент в лексическом значении русских и китайских зоонимов / Е. В. Палатовская // Проблемы зівставної семантики: зб. наук. ст. / Київ. нац. лінгв. ун-т ; [відп. ред. : О. О. Тараненко]. – К.: КНЛУ, 199. – 2009. – № 9. – С. 235-239.
6. Решетнёва, У.Н. Образы фантастических существ в китайских пословицах и поговорках / У. Н. Решетнёва // Вестник Омского государственного педагогического университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omsk.edu/volume/2006/human>. – Дата доступа: 28.08.2015.
7. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
8. У Гохуа. Расхождения культурных коннотаций в русских и китайских словах-реалиях: Филология. Лингвистика. Лингводидактика / Гохуа У. – М., 1995.
9. Шарова, А. А. Гендерная специфика зооморфизмов в русском языке / А. А. Шарова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 10-2. – С. 297 – 303.
10. 苏海燕. 从概念隐喻角度解读汉语动物惯用语 // 盐城师范学院学报(人文社会科学版) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xuebao.yctu.edu.cn/Upfile/2013/4/12/2013041260091213.pdf>. – Дата доступа: 16.05.2015.